

УДК 94 (47) 065

## МИССИОНЕРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СВЯЩЕННИКА ИОАННА ХАРИТОНОВА СРЕДИ КАЛМЫКОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ (1914-1916 гг.)

© 2013 С.В.Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 17.09.2013

Миссионерская деятельность священника Иоанна Харитонова была направлена на противодействие распространению буддизма (ламаизма) среди крещеных калмыков-казаков Оренбургского казачьего войска. В статье рассматриваются причины отпадения калмыков от православия и предложения Харитонова по усовершенствованию миссионерской работы. Из-за недостаточного финансирования, отсутствия должной поддержки со стороны представителей церковной и светской власти, а также влияния буддистского духовенства инициативы миссионера не были реализованы. Однако составленные им отчеты и другие документы служат ценным источником по истории религиозного быта оренбургских калмыков и миссионерской деятельности Русской православной церкви.

Ключевые слова: калмыки, буддизм, православие, миссионерская деятельность, казачье войско, духовенство.

Указ о веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г., лишил Русскую православную церковь государственного покровительства в деле подавления религиозного инакомыслия. Легализация иноверческого и сектантского движения открыла шлюзы для оттока двоеверцев, несколько поколений которых, выказывая полную покорность православным пастырям, тайно продолжали исповедовать свою прежнюю религию. К числу последних относилась значительная часть оренбургских крещеных калмыков, являвшихся казаками Оренбургского казачьего войска. Ставшие православными христианами еще в XVIII в., они продолжали оставаться приверженцами тибетского буддизма (ламаизма).

Оренбургское духовенство оказалось не подготовленным к миссионерской деятельности в условиях, когда смена вероисповедания перестала быть противоправным деянием. Отличавшиеся законопослушностью калмыки достаточно быстро осознали, что православные священнослужители утратили право на наказание вероотступников. Случилось то, чего прежде пытались не замечать: большинство калмыков исполняли православные обряды исключительно под страхом наказания. Представители духовной и светской власти выражали полное недоумение по поводу причин, побуждавших калмыков возбуждать ходатайства о смене вероисповедания. Более чем убедительно об этом свидетельствуют заключительные слова резолюции, составленной на прошение калмыков Кулевчинского поселка оренбургским епископом Иоакимом: «Не могу понять, каким образом христиане с 1737 года

остались в потомстве не христианами?». Отвечая на риторический вопрос главы Оренбургской епархии, известный российский востоковед, по долгу службы занимавшийся проблемой обустройства религиозного быта калмыков, А.М. Позднеев отметил: «А между тем дело объясняется очень просто. Мы проглядели это за нашим небрежением к инородцам и полнейшим незнанием их религиозной и национальной культуры»<sup>1</sup>.

К середине второго десятилетия XX в. правом на смену вероисповедания воспользовалась четвертая часть калмыцкого населения Оренбургского войска. Ими было образовано четыре общины в поселках: Варшавском, Измаильском, Кулевчинском и Толстинском. Последующие действия оренбургских калмыков-ламаистов были направлены на признание за их общинами статуса прихода и предоставления им права регистрировать акты гражданского состояния, строить храмы, открыто собираться на богослужение и свободно отправлять религиозные обряды. Так, калмыки, жители Кулевчинского поселка Николаевской станицы, 28 декабря 1914 г. составили общественный приговор, в котором просили официального утверждения в должности священнослужителя исполнявшего обязанности Филиппа Федоровича Бараслана<sup>2</sup>.

Легализация тибетского буддизма выявила несовместимость интересов государства и Русской православной церкви, представленной в данном случае Оренбургской епархией. Первое, позволив оренбургским калмыкам изменить вероисповедание, вынуждено было искать способы к упорядочению их религиозной жизни, придать ей легитимный характер, поставить деятельность ламаистского духовенства под государственный контроль. Вторая усматрива-

*Джунджузов Степан Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России.  
E-mail: Djund@Yandex.ru*

ла в правительственных начинаниях угрозу окончательной утраты духовного влияния на калмыцкое население, а вслед за ним и полного отпадения калмыков от православия.

В 1911 г. о наличии религиозного сепаратизма среди оренбургских калмыков говорилось в опубликованном в «Епархиальных ведомостях» Отчете Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества. Впервые в официальном документе, исходящем из недр Оренбургской епархии<sup>3</sup>, обращалось внимание на такие негативные явления, как формальное отношение крещеных калмыков к отправлению православных обрядов, отказ от соблюдения постов, уклонение от посещения церковной службы и пр.

Восстановить былые позиции и вернуть калмыков-вероотступников в лоно РПЦ Епархиальный комитет надеялся посредством назначения специального бесприходного миссионера. Наиболее подходящим лицом для миссионерской деятельности среди калмыков членам Комитета представлялся «инок-иеромонах, свободный от уз семьи и не требующий для себя слишком больших материальных затрат»<sup>4</sup>. В соответствии с выдвинутой Епархиальным комитетом инициативой в пределах Троицкого, Верхнеуральского и Орского уездов был образован отдельный противоламаистский миссионерский округ. В него вошел 21 казачий поселок, в которых имелось калмыцкое население.

Поиск подходящей кандидатуры на должность окружного миссионера продолжался три года. В итоге, возможно, в силу недостаточного финансирования и отсутствия способного к миссионерской деятельности иеромонаха, от идеи назначения бесприходного миссионера-монаха пришлось отказаться. 23 сентября 1914 г. на должность окружного миссионера был назначен Иоанн Владимирович Харитонов, одновременно состоявший священником кулевчинской Казанско-Богородицкой церкви. В поселке Кулевчинском к этому времени сменили вероисповедание 120 казаков-калмыков – 62 мужчины и 58 женщин<sup>5</sup>.

Отец Иоанн Харитонов относился к числу православных клириков, которые стояли на переднем фронте, развернувшейся после 1905 г. межконфессиональной борьбы. Американский историк П. Верг дал занимаемой ими позиции следующую обобщающую характеристику: «Они отвергали идею о том, что свобода индивидуальной веры требует неограниченной свободы публичного отправления веры, образования религиозных организаций и т.д. Для этих критиков свобода совести не означала свободы «пропаганды» (т.е. прозелитизма) или свободы «сращения» (т.е. такого обращения иноверцев, при котором использовалось осуждение религиозных истин и священных предметов их веры).

С их точки зрения, совесть каждой личности заслуживала защиты от посягательств, особенно в том случае, если эти посягательства принимали крайнюю или «фанатическую» форму»<sup>6</sup>.

В лице И. Харитонова Оренбургская епархия приобрела священнослужителя-миссионера, имевшего навыки научной, практической и преподавательской работы. Но, что особенно ценно, о буддизме, религии, против которой была направлена его миссионерская деятельность, он знал не понаслышке. Как следует из клирового (послужного. – С.Д.) списка будущего миссионера, родился он в 1874 г. в Забайкалье, в бурятской семье. С малых лет обучался монгольской и тибетской грамоте при Попереченском ламайском (буддистском) монастыре – дацане. В двенадцатилетнем возрасте он проходит обряд крещения и начинает получать духовное православное образование. В 1894 г. И. Харитонов окончил Читинское центральное миссионерское училище. За двадцать лет службы в Забайкальской епархии сменил до десятка должностей. Начинал псаломщиком, в 1900 г. рукоположен в дьяконы, в 1901 г. – в священники. Обязанности приходского священника отец Иоанн часто совмещал с преподаванием в церковно-приходских школах, а в 1899 г. был даже назначен учителем монгольского языка в Центральном миссионерском училище. О высоком авторитете И. Харитонова в среде забайкальского духовенства свидетельствует его утверждение 24 февраля 1901 г. в должности казначея Забайкальского миссионерского комитета. В 1910 г. И. Харитонов был избран членом проходившего в Иркутске миссионерского съезда<sup>7</sup>.

Должность окружного миссионера в Оренбургской епархии И. Харитонов исполнял два года. 27 сентября 1916 г. он был назначен полковым священником в расквартированный в Челябинске 163-й пехотный запасный полк<sup>8</sup>. В Представлении епископа оренбургского и тургайского Мефодия от 12 сентября 1916 г. в Святейший Синод о нем и его миссионерской деятельности даются следующие пояснения: «Иоанн Харитонов – калмык по происхождению (?) и знаток монгольских наречий. Надзору его были переданы крещеные и отступившие калмыки, проживавшие в 21 поселке по территории Оренбургского казачьего войска. До назначения Харитонова в Оренбургской епархии не было специального духовного руководителя миссионера и все религиозно-нравственное просвещение калмыков находилось на попечении священнослужителей тех приходов, в которых они состояли. Но священнослужители, не зная языка, не оказывали на них никакого влияния. Только с назначением Харитонова дело религиозно-нравственного просвещения калмыков поставлено в благоприятные условия к дальнейшему процветанию»<sup>9</sup>.

Начальное мнение о развитии вероотступнического движения среди оренбургских калмыков у И. Харитонова сформировалось в первые месяцы работы, когда он приступил к исполнению обязанностей приходского священника. Поэтому в Отчете Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. сложившаяся у калмыков религиозная ситуация в основном описывается на примере калмыцких жителей Кулевчинского поселка<sup>10</sup>. На следующий год окружной миссионер совершил поездку по казачьим поселкам, в которых имелось калмыцкое население. По ее итогам И. Харитоновым были представлены статистические данные о количестве калмыцкого населения с указанием отпавших от православия. Из них следует, что в 1915 г. калмыки проживали в 22 поселках Оренбургского казачьего войска. Количество калмыцких дворов колебалось от одного, в Бородинском и Чесменском поселках, до 26-ти – в Кулевчинском. К этому времени из 978 оренбургских казаков калмыцкого происхождения буддистами стали 254 человека и еще 211 человек числились в колеблющихся, не добившихся официального разрешения на смену вероисповедания<sup>11</sup>.

И. Харитоновым были определены три основные цели миссионерского служения: 1) исследование вероотступнического движения; 2) «увещание» калмыков, склонных к отпадению от православия; 3) разработка мероприятий, направленных на возвращение отпавших в лоно православной церкви<sup>12</sup>.

Из практики общения с оренбургскими калмыками у И. Харитонова сложилась особая методика миссионерской работы с населением. Беседы и чтения, которые должны были проводиться при стечении народа в школьных или других просторных помещениях, не давали желаемого результата. Такие собрания посещались калмыками неохотно, а иногда и вовсе игнорировались. Привыкшие скрывать от представителей власти, тем более от православного духовенства, свои религиозные убеждения, они уклонялись от разговоров о вероисповедании в присутствии посторонних. От проведения собеседований в церкви он и вовсе отказался, так как его слушателями часто бывали отступники, а они решительно отказывались заходить в православный храм.

В общении с прихожанами миссионер учитывал общественное настроение местных калмыков, народные традиции и психологические особенности. Во время командировок он старался останавливаться в домах зажиточных, именитых казаков-калмыков. Польщенные вниманием и следуя законам гостеприимства, хозяева обычно весьма радушно встречали своего гостя. Затем начиналось знакомство с соседями и родственниками хозяина. Своей основной задачей Харитонов считал установление с ними довери-

тельных отношений. Особое значение отец Иоанн придавал завязыванию близких знакомств с «наиболее развитыми и влиятельными» православными калмыками. Через них он получал информацию о вероотступниках и их «подрывной» деятельности.

Из общения с калмыками православный миссионер сделал вывод, что побудить их к смене вероисповедания могло только внешнее воздействие. Особое беспокойство отца Иоанна вызывали участвовавшие наезды к оренбургским калмыкам буддистских проповедников из Забайкалья. Приезжие ламы, по словам Харитонова, внушали калмыкам, что «каждая народность имеет свой характер, и каждый народ должен стремиться к самостоятельной творческой жизни. Путь к культурной жизни должен протекать без давления с чьей бы то ни было стороны. Поэтому забота об инородцах как духовного, так и гражданского начальства истолковывается инородческими прогрессистами как вторжение в их самобытную жизнь. Что, по их мнению, обезличивает и парализует творческую деятельность инородческого населения»<sup>13</sup>.

В один ряд с приезжими ламаистскими проповедниками И. Харитонов поставил и профессора А.М. Позднеева, приезжавшего в 1911 г. к оренбургским калмыкам с целью изучения их религиозного быта. По собранным миссионером сведениям, Позднеев разъяснял сущность буддийского вероучения, говорил об исполняемых ламаистами обрядах. В будущем он обещал продолжить консультировать оренбургских ламаистов по вопросам религиозного культа, выслать план кумирни-хурула (буддийского храма. – С.Д.) и поддерживать ходатайства о его строительстве. Вдохновленный обещаниями А.М. Позднеева, возглавлявший ламаистскую общину Измайльского поселка, бакша Егор Туматов начал собирать пожертвования на построение кумирни и склонять православных калмыков к переходу в ламаизм. Окружной миссионер даже утверждал, что массовые отпадения из православия в ламаизм произошли именно в тех поселках, которые посетил профессор Позднеев<sup>14</sup>.

К факторам негативного внешнего воздействия на мировоззрение калмыков И. Харитонов относил также нравственную и религиозную распущенность отдельных представителей соседствующего русского населения. В вину последним он ставил увлечение освободительным движением, отрицание существования бога и «насмехание над всем, что есть свято и дорого для каждого православного христианина»<sup>15</sup>.

Своими главными противниками в борьбе «за души заблудших калмыков» отец Иоанн считал местных буддистских священников и их приверженцев. В миссионерском отчете за 1915 г. он указывал, что руководят распространением «идолопоклоннической» религии бывший помощник атамана Николаевской станицы Миха-

ил Борослан, его брат Филипп Борослан, казаки: Кулевчинского поселка Яков Кубиюн, Лейпцигского – Иван Босанов, Толстинского – Корнелий Жемчуев, Веринского – Герасим Ишеев, Варшавского – Афанасий Бошаидыков и самозванный «бакша», казак Измайльского поселка Егор Туматов. Окружной миссионер уверял, что антиправославное движение поднято было ими только из честолюбия, «ибо других причин быть не может, потому что все местные калмыки решительно ничего не мыслят в буддо-ламаизме». Выбрав в качестве мишени гелюнга Кулевчинского поселка Я. Кубиюна, он доносил в Епархиальный комитет, что соращение калмыков «в буддоламаизм дает ему дерзость, не считаясь ни с чем и обходя закон, действовать на психику местных калмыков просто нахальством, против чего действительным оружием может являться только применение к Кубиюну административных мер»<sup>16</sup>.

В то же время, несколько противореча своим прежним высказываниям, Харитонов признавал, что возглавляемая гелюंगाми (буддистскими священниками. – С.Д.) ламаистская организация издревле существовала у оренбургских калмыков. Еще тогда «некрепкие в православии» калмыки «тайно исполняли обряды ламаистского идолослужения». Но в те времена, как считает Харитонов, вероотступников было немного. С обнародованием Указа о веротерпимости «идолослужение и соращение из православия стало делом явным и никем не воспрещенным». Ламаисты стали группироваться в религиозные общины и через них оказывать сильное влияние на православных сородичей. Последние, по словам отца Иоанна, легко поддавались пропаганде этих общин. К тому же русское население вместо нравственной поддержки православных калмыков относилось к ним с пренебрежением, ставя им в вину нечистоплотность и неразборчивость в еде<sup>17</sup>.

И. Харитонов, а с его подачи и Епархиальный комитет, стремились представить распространение ламаистского движения среди оренбургских калмыков не столько движением религиозным, сколько политическим, подогреваемым извне. А ведь известно, что всякое политическое движение, не санкционированное правительством, рассматривалось в Российской империи как антигосударственное, подрывающее основы существующего строя. Следовательно, если правительство как заинтересованная сторона поддержит оренбургских миссионеров и воспретит ламаистским проповедникам беспрепятственно посещать местных калмыков, то отступническое движение «не только не получит дальнейшего движения, но и отступившие калмыки возвратятся в лоно Православной церкви»<sup>18</sup>.

Через своих осведомителей священник-миссионер выяснил, что проживающий в Лейпциг-

ском поселке гелюнг Иван Босанов состоит в переписке с находившимся в Петрограде доктором, бурятом по национальности Ямпилоевым. По приглашению последнего в апреле 1914 г. к оренбургским калмыкам навещался из Забайкалья лама Намжилов, представлявшийся учеником видного общественного и религиозного деятеля, доктора буддийской философии (цаннит-хамбо-лхарамба) Агвана Доржиева. Из полученной информации И. Харитонов сделал вывод, что калмыки Оренбургской епархии попали под влияние «обновленцев инородческого просвещения Сибири»<sup>19</sup>.

Не имея возможности открыто критиковать Указ о веротерпимости как волю верховной власти, отец Иоанн обращает внимание на многочисленные случаи нарушения важнейшего его постулата – принципа добровольности. На примере составленного казаками-калмыками Кулевчинского поселка прошения о разрешении на смену вероисповедания Харитонов доказывает, что писались подобные ходатайства от имени всех калмыков, проживавших в поселке, в том числе сирот, детей и взрослых, не желавших оставлять православия, и утверждались Консисторией без всякой административной проверки.

Миссионер даже уверял, что если бы на кулевчинских калмыков не оказывалось давление со стороны их буддистского наставника Я. Кубиюна, то они снова возвратились бы в православие. Для убедительности он ссылаясь на случаи, когда умиравшие калмыки выражали желание быть напутствованными и похороненными по обрядам православия. Но ламаистские вожак всегда препятствовали таким желаниям, скрывали их от православных соседей и по калмыцким обычаям оставляли умирающего в одиночестве<sup>20</sup>.

Как действия, направленные на окончательное разрушение православных устоев, И. Харитонов рассматривает стремление ламаистских активистов из Кулевчинского и Измайльского поселков добиться от властей разрешения на строительство буддо-ламаистских храмов. Последствием их учреждения, по мнению миссионера, станет «неудержимая пропаганда буддо-ламаизма... Принуждение к его принятию. Соращение, не стесняясь ни с какими методами обмана, насилия, обольщения, обещания разных выгод, удобств и т.п. Разрешение на постройку дацана (храма) дает повод думать и говорить калмыкам-отступникам, что правительственная власть сочувственно относится к отступническому движению среди калмыков, чем, несомненно, усилит это движение». В качестве основания для отказа на возведение ламаистского храма Харитонов ссылается на предписание из ст. 55 VII тома Епархиального устава: «Для постройки молитвенного дома для нехристиан требуется не менее двухсот душ мужского пола». В то время как в указанном просителями районе на тот момент

проживали всего 57 калмыков-ламаистов<sup>21</sup>.

К борьбе с вероотступническим движением ревностный миссионер стремился привлечь все возможные административные ресурсы. Так, в письме на имя наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта М.С. Тюлина он просил сделать соответствующее распоряжение, чтобы поселковые и станичные атаманы не регистрировали в метрических книгах «события рождения, брачных союзов и смерти как в законных семействах калмыков-казаков, кои официально получили отписку на отпадение от православия. И вообще, не оказывали бы содействия в деле пропаганды ламаизма»<sup>22</sup>. А в рапорте к своему непосредственному начальнику, епископу оренбургскому и тургайскому Мефодию и вовсе предлагал инициировать запрет на прием у калмыков ходатайств на смену исповедания. Миссионер доказывал, что, объявляя о своей приверженности к буддизму, калмыки лишь ищут «лазейку», чтобы уклониться от исполнения обрядов и уставов православной церкви<sup>23</sup>.

Успех своей миссии И. Харитонов связывал и с развертыванием религиозно-просветительской деятельности, включавшей обучение как детей, так и взрослых. Внедрение школьного религиозного образования он предлагал начать с открытия церковно-приходской школы в Кулевчинском поселке «как очаге и центре вероотступнического движения калмыков из православия». Со временем такие же школы должны были появиться и в других поселках миссионерского округа. Существующие же войсковые школы окружной миссионер считал неудовлетворяющими не только религиозно-воспитательным, но и вообще научно-учебным потребностям населения. Школы для калмыцких детей должны были бы находиться в ведении Миссионерского комитета и под непосредственным руководством окружного миссионера.

Просветительская работа среди взрослого населения, по мнению окружного миссионера, должна строиться через организацию миссионерских кружков, к деятельности которых должны были привлекаться все причты миссионерского округа<sup>24</sup>. В основу деятельности противоламаистских кружков был положен опыт миссионерской работы среди других крещеных инородцев Оренбургской епархии: нагайбаков, чувашей, казахов. Обязанности руководителей кружков предполагали: собеседование с ламаистами, произнесение проповедей для них, устройство миссионерских библиотек, открытие церковно-приходских школ в поселках с калмыцким населением, оказание нравственной и материальной помощи возвратившимся в православие калмыкам. На покрытие расходов И. Харитонов предлагал направлять ассигнования из доходов приходских церквей, ежегодные членские взносы и добровольные пожертвования.

Еще одной инициативой Иоанна Харитонова, направленной, как он выразился, к «просвещению калмыков светом христианского учения», явилось предложение перевести на калмыцкий язык с изложением в доступной для простолюдинов форме догматов православия и значения богослужебных обрядов. Изданные отдельными брошюрами, с текстами на русском и калмыцком языках, они должны были распространяться среди калмыцкого населения. Определенной методологической новацией, предложенной миссионером, можно считать краткий перевод с тибетского на калмыцкий язык некоторых буддийских молитв с тем, чтобы при проведении собеседований сравнивать их с православными молитвами и убеждать в превосходстве православия над буддизмом<sup>25</sup>.

11 апреля 1915 г. И. Харитонов уведомил Епархиальный комитет, что ему необходимо ознакомиться с уже имеющимися переводами религиозно-нравственной православной литературы. За консультациями о. Иоанн обращался к миссионеру иеромонаху Домаскину и в переводческую комиссию при Казанской духовной семинарии. У Комитета он просил содействия в приобретении необходимых книг. Но содействия не последовало. 22 апреля председатель Епархиального комитета первосвященник Серафим на рапорт Харитонова поставил резолюцию: «Полагаю, что и нет нужды в переводах о. Харитонова... Переведет, издавать придется, посылать куда либо... Кто поручится, что переводы правильны»<sup>26</sup>.

Ни одно предложение о. Иоанна по совершенствованию миссионерской работы не было удовлетворено. Сам окружной миссионер причины отказов усматривал в негативном отношении некоторой части священников калмыцких приходов к противоламаистскому миссионерству и к нему лично как к руководителю миссии<sup>27</sup>. В сообщениях окружного миссионера приводятся два случая явного противодействия его деятельности со стороны приходских священников. Первый из них был связан с семьей, в которой перешедший в ламаизм калмык сожительствовал с вдовой из православных калмычек. Ими был взят на воспитание крещеный мальчик-сирота. Под влиянием миссионера семейная пара согласилась пройти обряд венчания и тем самым узаконить свой брак. Однако местный священник, имени которого И. Харитонов не называет, отказал в проведении обряда. Исполнять церковные обряды за пределами своего прихода у отца Иоанна не было полномочий. Второй случай имел место в поселке Тарутинском. В пылу дискуссии, развернувшейся к концу собрания, буддистский священнослужитель заявил Харитонову, что якобы местный батюшка им недавно говорил: «Вы живете ни туда, ни сюда. Если хотите скорее исхлопотать разрешение, я вам покажу, как его получить». В подлин-

ности сообщенного вероотступником свидетельства миссионер разбираться не стал, но сообщил о нем епархиальному начальству<sup>28</sup>.

На наш взгляд, отрицательные решения Епархиального комитета по иницилируемым И. Харитоновым мероприятиям были связаны с дополнительными расходами на устройство и текущие нужды приходских школ и кружков. Об этом, в частности, свидетельствует Определение Оренбургского епархиального комитета, принятое 18 октября 1916 г., уже после освобождения И. Харитонova от должности окружного миссионера: «Организацию миссионерских кружков в приходах с калмыцким населением в борьбе с ламаизмом признать мерою весьма желательной и полезной, но в виду перевода священника И. Харитонova на другое место, вопрос о повсеместном открытии миссионерских кружков в приходах с калмыцким населением оставить открытым впредь до обратного возвращения о. И. Харитонova или замещения вакантной должности епархиального миссионера, так как без руководителя настоящее дело не может быть осуществлено»<sup>29</sup>.

Деятельность И. Харитонova на посту окружного миссионера протекала в сложных условиях военного времени. Негативное влияние на нее оказывали отсутствие средств, пренебрежительное отношение к миссионерской работе отдельных представителей светской и духовной власти, авторитет духовных лидеров вероотступников. Ему не удалось остановить процесс отпадения калмыков от православия. Тем не менее его деятельность не прошла бесследно. Составленные миссионером И. Харитоновым отчеты и другие исходящие от него документы служат ценными источниками для изучения религиозного быта оренбургских калмыков, миссионерской деятельности Русской православной церкви и истории Оренбургской епархии.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее – АВ ИВР РАН). Ф.44. Оп.1. Д.60. Л.84.
- <sup>2</sup> Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.11. Оп.2. Д.3465. Л.38.
- <sup>3</sup> Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1912. С.390-398. Там же. С.398.
- <sup>4</sup> Там же. С.398.
- <sup>5</sup> Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. Оренбург, 1915. С.7.
- <sup>6</sup> *Верт П.* Православие, инославие, инородие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С.48.
- <sup>7</sup> ГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.1820. Л.94-104.
- <sup>8</sup> Там же. Ф.175. Оп.1. Д.149. Л.174.
- <sup>9</sup> Там же. Ф.175. Оп.1. Д.171. Л.145-145об.
- <sup>10</sup> Отчет Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. Оренбург, 1915. С.6-9.
- <sup>11</sup> ГАОО. Ф.175. Оп.1. Д.171. Л.12.
- <sup>12</sup> Там же. Л.5.
- <sup>13</sup> Там же. Д.171. Л.5об.
- <sup>14</sup> *Есикова Е.М.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859-1917 годы) // Вестник ЧелГУ. История. 2009. Вып.34. №28 (166). С.138.
- <sup>15</sup> ГАОО. Ф.175. Оп.1. Д.171. Л.6.
- <sup>16</sup> Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. С.8.
- <sup>17</sup> ГАОО. Ф.175. Оп.1. Д.171. Л.6об.
- <sup>18</sup> Там же. Л.231об.
- <sup>19</sup> Там же. Ф.175. Оп.1. Д.149. Л.100-100об.
- <sup>20</sup> Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. С.7.
- <sup>21</sup> ГАОО. Ф.175. Оп.1. Д.171. Л.231.
- <sup>22</sup> Там же. Д.149. Л.127-128; Д.171. Л.22.
- <sup>23</sup> Там же. Д.149. Л.147.
- <sup>24</sup> Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. С.9.
- <sup>25</sup> Там же. С.8-9.
- <sup>26</sup> ГАОО. Ф.175. Оп.1. Д.149. Л.82.
- <sup>27</sup> *Есикова Е.М.* Указ. соч. С.139.
- <sup>28</sup> ГАОО. Ф.175. Оп.1. Д.171. Л.166-166об.
- <sup>29</sup> Там же. Д.149. Л.173-174.

## MISSIONARY ACTIVITIES OF PRIEST IOANN (JOHN) KHARITONOV AMONG THE KALMUCKS OF ORENBURG EPARCHY (1914-1916)

© 2013 S.V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University

The missionary activities of Priest Ioann (John) Kharitonov were directed against the dissemination of Buddhism (Lamaism) among the christened Cossacks-Kalmucks of Orenburg Cossack Troops. The article studies the reasons of the alienation of the Kalmucks from the Orthodoxy and proposals by Kharitonov who sought for improving the missionary activities. The initiatives of the missionary were not implemented because of insufficient funding, shortage of the support from representatives of the Orthodox Church and temporal authorities, as well as because of influence of the Buddhism clergy. However reports and other documents made by Priest Ioann are the valuable source of information on the history of the religious life of Orenburg Kalmucks and on the missionary activities of the Russian Orthodox Church.

Key words: the Kalmucks, Buddhism, the Orthodoxy, missionary activities, Cossack Troops, clergy.

*Stepan Dzhundzhuzov, Candidate of History, Associate Professor, Recent Russian History Department.  
E-mail: Djund@yandex.ru*